

ЗАМЕТКИ О ПУШКИНЕ АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА И ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО

Андрей Лазари

(Лодзь)

В наследии Аполлона Григорьева нет ни одной статьи, которая была бы целиком посвящена Пушкину и все-таки автор "Евгения Онегина" занимает центральное место в мировоззрении критика. В своих основных работах Григорьев рассматривает русскую мысль и литературу "со смерти Пушкина" ("Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина", 1859; "Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина", 1861.) Для "последнего романтика" (один из псевдонимов Григорьева) Пушкин и его творчество является прообразом, идеальным типом, архетипом, сосредоточившим в себе всю ценность того, что русское, с которого все в русской мысли и литературе начинается. Каждое направление, каждый писатель, каждая мысль – все берет начало с Пушкина. Федор Достоевский вполне разделял такое мнение.

Когда Достоевский, Григорьев и Николай Страхов создали свое почвенническое мировоззрение, отношение русской критики к наследию Пушкина было далеко неоднозначным. Почти всеобщим стало тогда лишь мнение о безыдейности поэта.

"Пушкин, – писал Григорьев на страницах журнала братьев Достоевских "Время", – это узаконение поэзии и жизни, идеализма мысли и ощущений, и вот почему он для теоретиков поэт побрякушек (теоретиками Григорьев называл Добролюбова, Чернышевского и других сотрудников журнала "Современник" – А.Л.); *Пушкин, это наше право на Европу и на нашу европейскую национальность*, а вместе с тем и право на нашу самобытную особенность в кругу европейских национальностей, – не на фантастическую и изолированную особенность, а на ту, какую Бог дал, какая сложилась из напора реформы и остатков коренного быта, и вот почему его не любят славянофилы. Пушкин, это наш стройно и полно вырази-

вший протест против догматизма и жестоких нравов, повершитель дела многих приснопамятных протестантов, от Ломоносова до Карамзина, и вот почему он для гг. Бурачка, Аскоченского и всей компании мракобесия ненавистнее даже демонического Лермонтова. А вместе с тем, наконец, Пушкин-Белкин, Пушкин "Капитанской дочки", "Дубровского", "Родословной" и т.д. – узаконитель нашей почвы, преданий, реакция нашей родной обломовщины, которая, какова она ни есть, все-таки жизненнее штольцовщины, и вот почему холодны к нему ультрареформаторы" (1, с. 32).

Таким образом Пушкин занял очень существенное место в идеологической борьбе почвенников. И в своей статье я займусь прежде всего этим вопросом, в стороне оставляя чисто эстетический аспект названной темы.

Основной категорией почвеннического мировоззрения является *народность* (см. подробно 2). Определяя суть этого мировоззрения, Достоевский заявляет: "Повторяем: все дело в понимании слова народность [...] Мы вносим новую мысль о полнейшей народной нравственной самостоятельности, мы отстаиваем Русь, наш корень, наши начала [...] Мы идем прямо от нее, от этой народности, как от самостоятельной точки опоры [...] При свободе развития мы верим в русскую будущность; мы верим в самостоятельную возможность ее" (8, т. 20, с. 209–210).

Для почвенников *народность* была синонимом *национальности*. Они неоднократно выступали против тенденции смешивания *народности* с *простонародностью*. Достоевский спрашивал: "Почему, с какой стати народность может принадлежать только одной простонародности? Разве с развитием народа исчезает его народность? Разве мы, образованные, уж не русский народ?" (8, т. 19, с. 14).

И вот, единственным полным выразителем русской *народности-национальности* был для почвенников Пушкин. Еще до знакомства с Достоевским Григорьев писал (1859 г.): "А Пушкин – наше все: Пушкин – представитель всего нашего душевного, особенного, такого, что остается нашим душевным, особенным после всех столкновений с чужим, с другими мирами. Пушкин – пока

единственный полный очерк нашей народной личности..." (3, с. 166).

Восемнадцать лет спустя Достоевский развил эту мысль следующим образом: "Но величие Пушкина, как руководящего гения, состояло именно в том, что он так скоро, и окруженный почти совсем не понимавшими его людьми, нашел твердую дорогу, нашел великий и вождеденный исход для нас, русских, и указал на него. Этот исход был – народность, преклонение перед правдой народа русского" (8, т. 26, с. 114).

Почвенники поддерживали мысль славянофилов о том, что Петр I своими реформами якобы привел к разделению населения России на "народ" и "общество". "Народ" остался русским: он сохранил русские традиции, религию, нравственность; "общество" же, то есть русская интеллигенция, воспитываясь, в основном, на идеалах Запада, оторвалась от "народа", оторвалась от русской "почвы", стала как бы нерусской, потеряла русскую народность-национальность. По мнению почвенников, именно Пушкин первый создал эту "оторванность" и первый выразил ее в своих произведениях. Григорьев уже в 50-ые годы развитие Пушкина как поэта рассматривал как возможность возвращения русской интеллигенции к идеалам русским, к русской "почве". Пушкин, по мнению критика, преодолел влияние западной культуры, классицизма, романтизма (прежде всего, байронизма), и протест личности против окружающей действительности заменил смирением перед русской народностью, сознательно вернулся к русской "почве" (см. 3, с. 173, 177).

Достоевский говорил о том же в своей "Пушкинской речи", отмечая, что в "Онегине", "в этой бессмертной и недостижимой поэме своей, Пушкин явился великим народным писателем, как до него никогда и никто. Он разом, самым метким, самым прозорливым образом отметил самую глубь нашей сути, нашего верхнего над народом стоящего общества" (8, т. 26, с. 143).

В мировоззрении почвенников важное место занимала категория "исторического типа". Поскольку "народность" определяла прежде всего "личность" данного народа, поскольку понятие "исторический тип" совмещало в себе мировоззрение общественной группы, народа или даже нескольких этнических групп, выражен-

ное в определенную эпоху отдельной исторической личности. Для Григорьева, "последнего романтика", самым полным олицетворением исторического типа был тип артиста, что вытекает из мнения, подсказанного Шеллингом, что "искусство, каково оно ни было в данную эпоху, является всегда самым полным и при том вразумленным выражением смысла жизни в данную эпоху" (4, с. 51). Таким образом, мировоззрение артиста не является для Григорьева чем-то сугубо личным. Широта этого мировоззрения обусловлена эпохой, страной, временем и историей данной народности. Гениальная натура артиста "является, так сказать, фокусом, отражающим крайние, истинные пределы современного ей мышления; последнюю, истинную степень развития общественных понятий и убеждений" (5, с. 10).

Тип артиста, по Григорьеву, во время творческого процесса расщепляется на типы более узкие: например, на типы литературных героев. Каждый из них представляет собой как бы одну сторону души своего создателя. Литературный тип в момент возникновения становится самостоятельным бытием, стихией, имеющей собственную личность, и может развиваться независимо от воли артиста. Больше того, он может влиять не только на личность читателя, но также на своего создателя, приводя его даже к смерти. Так Григорьев объяснял смерть Пушкина и Лермонтова (Пушкина скосила отделившаяся от него стихия Алеко; Лермонтова – тот страшный идеал, который стал перед ним, как царь немой и гордый, и от мрачной красоты которого самому ему было страшно и душа тоскою сжималась), а также смерть Кольцова, Радищева, Пележаева, Мочалова (см. 3, с. 172–173).

Григорьев говорит и о "народном типе" (в смысле – "национальном"). Этот тип, по мнению критика, не составляет нечто однородное – в его натуре заложено раздвоение. Греческий тип, например, раздвоился на Одиссея и Ахилла. Такое же раздвоение Григорьев замечает и в русском типе, о чем свидетельствует уже простонародное творчество, где "должно принять как равно живые стихии – и Добрыню Никитича, и Алешу Поповича с Чурилой Пленковичем" (6, с. 25). Эти две стихии, считает Григорьев, воплотились со временем (как в исторических, так и в литератур-

ных типах) в двух основных, самых характерных для русской действительности, совершенно различных типах: хищном и смиренном. Пушкин представлял собой, по мнению критика, единственный исторический тип, заключавший в себе обе эти стихии, и, одновременно, был первым их полным отображением. Поэт сумел создать наряду со смиренным типом Белкина равноправные хищные лица Алеко, Онегина, Пугачева. Тип смиренный "стремился к почве", тип хищный символизировал оторванность от русских корней (см. 3, с. 173–174, 523–526).

Стоит подчеркнуть, что если в 50-ые годы Григорьев был больше на стороне смиренного типа и считал, что Пушкин, после увлечения "хищниками", преклонился в лице Белкина перед русской почвой, то в конце жизни он писал: "Мы были бы народ весьма нещедно наделенный природой, если бы героями нашими были пушкинский Белкин, лермонтовский Максим Максимыч... Значение этих лиц в том, что они критические контрасты блестящего и, так сказать, хищного типа, которого величие оказалось на нашу душевную мерку несостоятельным, а блеск фальшивым. Значение их, кроме того, в протесте, – протесте всего смиренного, загнанного, но между тем основанного на почве в нашей природе, – против гордых и страстных до необузданности начал, против широкого размаха сил, оторвавшихся от связи с почвой. Придать этой стороне души нашей значение исключительное, героическое – значит впасть в другую крайность ведущую к застою и закиси... Для жизни страстное начало нужно, закваска нужна. Глубоко понимал это гениальным чутьем своим Пушкин..." (3, с. 524).

Пушкин, по мнению Григорьева, осознавая раздвоенность русского народного типа, создал основные его литературные архетипы. Наследники поэта пошли по его стопам, но не сумели сберечь пушкинскую гармонию и вставали то на сторону смиренного Белкина, то на сторону хищного Онегина, что после смерти Пушкина привело в конечном результате к расколу русского общества на смиренных славянофилов и хищных западников.

В 60-тые годы Достоевский рассматривал вопрос "русского типа" вполне по-григорьевски. "Славянофилы и западники ведь тоже явление историческое и в высшей степени народное, – писал

он, защищая народность (национальность) Онегина. – В Онегине в первый раз русский человек с горечью сознает или, по крайней мере, начинает чувствовать, что на свете ему нечего делать. Он европеец: что ж принесет он Европе, и нуждается ли еще она в нем? Он русский: что же сделает он для России, да еще понимает ли он ее? Тип Онегина именно должен был образоваться впервые в так называемом высшем обществе нашем, в том обществе, которое наиболее отрешилось от почвы и где внешность цивилизации достигла высшего своего развития [...] Да! это дитя эпохи, это вся эпоха, в первый раз сознательно на себя взглянувшая. Нечего и говорить, до какой полноты, до какой художественности, до какой обаятельной красоты все это – русское, наше, оригинальное, непохожее ни на что европейское, народное. Этот тип вошел, наконец, в сознание всего нашего общества и пошел перерождаться и развиваться с каждым новым поколением" (8, т. 19, с. 10–12).

Поскольку Достоевский и Григорьев в 60-ые годы защищали хищный тип Онегина, как тип русский, народный (национальный), постольку другой почвенник, Николай Страхов, доказывал, что по-настоящему русским, народным является лишь смиренный тип Белкина. Все развитие русской литературы Страхов рассматривал как борьбу смиренного русского типа с хищным западным, якобы совсем чуждым русскому характеру. В этом духе Страхов рассматривал, например, творчество Толстого, доказывая, что "Война и мир" – "апофеоз смиренного русского типа, что Толстой показал как хищный тип спасовал перед смиренным, – как на Бородинском поле простые русские люди победили все, что только можно представить себе самого героического, самого блестящего, страстного, сильного, хищного, т.е. Наполеона и его армию" (7, с. 248–249).

В конце жизни в "Речи о Пушкине" Достоевский поддержал в некоторой степени и мнение Страхова. Писатель все еще признавал русский характер Онегина, однако оценивал его уже однозначно как *отрицательный тип наш* и к нему обращался со словами: "Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве..." (8, т. 26, с. 139).

Положительным типом, кроме Белкина, является для Дос-

товского Татьяна: "Это тип твердый, стоящий твердо на своей почве. Она глубже Онегина и, конечно, умнее его. Она уже одним благородным инстинктом своим предчувствует, где и в чем правда [...] Может быть Пушкин даже лучше бы сделал, если бы назвал свою поэму именем Татьяны, а не Онегина, ибо бесспорно она главная героиня поэмы. Это положительный тип, а не отрицательный, это тип положительной красоты, это апофеоза русской женщины" (8, т. 26, с. 140).

Для Григорьева в образе Татьяны также был отображен идеал русской женщины. Именно женщины, и поэтому критик не противопоставлял Татьяну Онегину. Образ Онегина был для него не менее важен, а стоит вспомнить, что Григорьев многие свои статьи подписывал псевдонимом "лишний человек". Достоевский, же, лишним никогда себя не чувствовал.

Конечно, и для Григорьева, и для Достоевского сам Пушкин был идеалом, мало того – был пророком. Григорьев наряду с Пушкиным поставил Байрона и Мицкевича. Это понятно, так как концепцию художника-пророка он позаимствовал у Томаса Карлейля, которого, наряду с Шеллингом, признавал своим учителем. Карлейль утверждал, что пророки и поэты исполняют в окружающем их мире ту же роль: они интуитивно проникают в *святую тайну вселенной*. Григорьев это мнение вполне разделял и, вслед за Карлейлем, употреблял даже латинский термин *vates* для определения поэта-пророка (5, с. 642).

Отчасти и Достоевский рассматривал Пушкина-пророка в духе романтизма. Однако, если для Григорьева каждый великий художник – пророк своего народа, то Достоевский приписывает Пушкину значение пророка-всечеловека. По мнению Григорьева, "Пушкин был выражением современного ему мира, представителем современного ему человечества, но мира русского, но человечества русского", и так же критик оценивал всех других великих западных писателей (3, с. 163, 470). Еще в 60-е годы Достоевский согласился бы здесь с Григорьевым. Тогда Шекспир, Сервантес, Шиллер и многие другие западные писатели и поэты являлись для него авторитетом. Иначе обстояло дело в "Речи о Пушкине". В ней Достоевский противопоставляет Пушкина Шекспирам, Сервантесам, Шил-

лерам. Он не лишает их эпитета *гении*, но их фамилии употребляет во множественном числе, подчеркивая таким образом, что их якобы много, чего в отношении к Пушкину никогда бы себе не позволил. Григорьев наравне с Пушкиным, как я уже сказал, ставит Байрона и Мицкевича. Для Достоевского такое сопоставление было святотатством. Ведь в "Речи о Пушкине" писатель провозглашает идею русского народа-мессии: "Да, назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите... Ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено [...] Если наша мысль есть фантазия, то с Пушкиным есть, по крайней мере, на чем этой фантазии остановиться" (8, т. 26, с. 147-148).

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев А. Собрание сочинений, вып. 12. М., 1915.
2. См.: A. Lazari. "Poczwinnistwo". Z badań nad historią idei w Rosji. Łódź, 1988.
3. Григорьев А. Литературная критика. М., 1967.
4. Григорьев А. Нигилизм в искусстве. In: "Время", 1862, № 8.
5. Григорьев А. Сочинения, т. 1. СПб., 1876.
6. Григорьев А. Взгляд на историю России. Соч. С. Соловьева... In: "Русское слово" 1859, № 1.
7. Страхов Н. Критические статьи об И.С. Тургеневе и Л.Н. Толстом. 1862-1885. Киев, 1901, т. 1.
8. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Л., 1972-1988.